

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЛИЦ С ПОГРАНИЧНОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ, СОВЕРШИВШИХ ПРАВОНАРУШЕНИЕ И ПРИЗНАННЫХ ОГРАНИЧЕННО ВМЕНЯЕМЫМИ

Е. Н. Лапшина

ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского

Судебными психиатрами и психологами давно отмечалось, что психические расстройства способствуют ослаблению контролирующих функций сознания, ограничивают альтернативные возможности выбора действий в тех или иных ситуациях, что в уголовном законе было зафиксировано в виде юридической формулы «невменяемости». Эта патология облегчает реализацию криминального акта (30, 32), причем ее роль в снижении саморегуляции, а, следовательно, и в криминогенезе может быть различной.

Однако действовавшее ранее законодательство предполагало лишь дихотомическую оценку способности подэкспертного к осознанию фактического характера и руководству своими действиями (формула вменяемости), то есть психиатрами-экспертами принималось решение либо о полной вменяемости лица, либо о его невменяемости. После длившихся более 100 лет дискуссий в новый уголовный кодекс РФ (1997) была введена статья 22, предписывающая более точно оценивать степень влияния психического расстройства на нарушения инкриминируемого поведения в криминальной ситуации и на этой основе определять меру индивидуальной ответственности лица с пограничной психической патологией.

Статья 22 предполагает обязательное наличие двух критериев: медицинского в виде психического расстройства и психологического (юридического) как невозможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и/или руководить ими, в том числе с учетом преморбидных и постморбидных индивидуально-психологических особенностей, оказавших существенное влияние на регуляцию в момент деликта в зависимости от сложности актуальной ситуации. С указанными обстоятельствами непосредственно связана идея о рассмотрении ограниченной вменяемости как «динамического параметра вменения – особой зоны внутри континуума вменения, возникающей при некоторой констелляции ситуационных, психопатологических и патоперсоналогических фак-

торов» (10) с предписанием экспертам обязательно оценивать и вклад ситуации в криминогенез.

Деятельность лиц с пограничным уровнем психопатологии, в том числе и в конкретной ситуации правонарушения, подчиняется закономерностям поведения, описываемым общей психологией: мотивация «формируется в процессе актуализации потребностей субъекта, ставящего перед собой определенные цели, в процессе деятельности, отражающей все стороны личности, в том числе и все её патологические изъяны, дефекты мышления, интеллекта, эмоционально-волевой сферы» (1). При этом следует отметить, что психическое расстройство выступает не как причина преступного деяния, а лишь как внутреннее условие, опосредованно влияющее на психологические механизмы совершения правонарушения (8).

Для решения методологических проблем и конкретных экспертных задач, связанных с ограниченной вменяемостью, наиболее перспективным, на наш взгляд, является психологический регулятивный подход, разработанный в 1988–1999 гг. И.А.Кудрявцевым и сотрудниками в лаборатории психологии ГНЦ им. В.П.Сербского (9–11). Ключевой теоретической конструкцией этого подхода – саморегуляция – позволяет оценить не только влияние, но и взаимовлияние значимых факторов (психопатологического/патопсихологического, личностного и ситуационного) на поведение подэкспертного в криминальной ситуации.

Осознанная произвольная саморегуляция представляет собой системный, многоуровневый, иерархически организованный процесс (13, 18, 29), в котором задействованы исключительно психические средства, в том числе и измененные вследствие болезни. Система саморегуляции рассматривается нами, с одной стороны, изолированно от регулируемой ею деятельности, как изоморфная ей по структуре, но не сводимая к ней; с другой – как детерминированная индивидуально-психологическими особенностями субъекта разного уровня и степени сформированности.

Согласно традиционным представлениям о саморегуляции выделяют мотивационный и операционально-технический уровни ее протекания. Мотивационный, или смысловой уровень, связан с общей направленностью, содержанием деятельности, операционально-технический – отражает формальную организацию действия с помощью средств, направленных на оптимизацию деятельности (5).

Операционально-технический уровень саморегуляции описывается структурно-функциональной моделью саморегуляции деятельности, предложенной О.А.Конопкиным (6). Данная модель инвариантна для любой деятельности и включает в себя необходимое и достаточное количество звеньев для описания регуляции: цель, модель значимых условий, программа исполнительских действий, процессы оценки и контроля, а также субъективные критерии достижения цели и решения о коррекции (6, 7). Функционирование каждого звена обеспечивается соответствующим регуляторным процессом. В.И.Моросанова (20, 23–26), разработав концепцию индивидуального стиля саморегуляции и, тем самым, введя проблематику саморегуляции в дифференциальную психологию, показала, что индивидуальную специфику имеют не только отдельные регуляторные процессы, но и вся система саморегуляции (так называемый регулятивный профиль). Стилиевые особенности регуляции не связаны с содержанием конкретной деятельности, а представляют собой типичные способы (формы) регулирования активности, сложившиеся у данного человека в онтогенезе. В индивидуальных особенностях саморегуляции находит отражение то, как человек планирует и программирует достижение целей, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает и корректирует свою активность. Индивидуальные различия заключаются в неравномерности уровня развития регуляторных процессов и общего уровня саморегуляции в целом, в специфике индивидуальной структуры типичных для человека особенностей «профиля» регуляции. В циклах экспериментальных исследований было убедительно показано, что структура индивидуальных особенностей саморегуляции детерминирована личностными особенностями человека, а индивидуальная система саморегуляции опосредствует влияние сложившихся личностных структур на особенности реализуемой активности (20, 21, 23–26).

Описанная функциональная структура саморегуляции является базисом для реализации содержательно-психологического (смыслового) аспекта регуляторики, который обеспечивается смысловыми образованиями разного уровня, интегрирующими в себя реальные жизненные отношения с семьей, референтной группой, более широкими социальными общностями. Смысловые структуры пронизывают все уровни деятельности, им принадлежит главенствующая роль в регуляции поведения, поскольку «сцепление отдельных действий в целостную, а, следовательно, и эффективную деятельность...обеспечивается...смыслом» (В.П. Зинченко) (цит. по 17).

В конкретной деятельности функциональная структура трансформируется под воздействием ситуационных факторов, опосредуемых смыслами разной интенсивности, маркерами которой выступают эмоции. Указанная структура наполняется операциональными смыслами, прагматическими по Б.С.Братусю (3), то есть смыслами наличных условий и обстоятельств, которые представляют собой нижний уровень смысловой сферы субъекта. Иерархически более высокими, включенными собственнo в личностный сектор смысловой сферы и определяющими мотивацию поведения, являются эгоцентрические, группоцентрические и просоциальные смыслы. К последним Б.С.Братусь относит общечеловеческие ценности и нравственные ориентации (3, 4). В концепции смысловой регуляции Д.А.Леонтьева личностные ценности занимают высший уровень и выступают смыслообразующими по отношению ко всем остальным нижележащим смысловым структурам (14–17). Формирующиеся в процессе социализации и являющиеся маркерами личностной зрелости ценности оказываются доминирующими над другими видами регуляции. Именно с ценностями Е.Ю.Патяева (27) и Д.А.Леонтьев (17) связывают возможность смещения, а с нашей точки зрения, и прекращения или инициации новой деятельности. Даже в экстремальных условиях у гармонично развитой, зрелой, гуманистически направленной личности психологический выбор конкретного мотива, целей, средств их достижения будет осуществляться не путем сравнения их с другими, им рядоположенными, а на основании сопоставления их с высшими ценностями.

Таким образом, эффективность деятельности или иначе, возможность совладания с конкретной ситуацией, может обеспечиваться слаженным функционированием всех звеньев операционально-технического уровня саморегуляции или, в случае ситуационного развития мотивации (в ответ на аффектогенный стимул), актуализацией высшего уровня смысловой сферы – ценностей, нравственности.

Для нужд экспертной практики И.А.Кудрявцевым было введено два базовых понятия – потенциальная саморегуляция и актуальная, то есть проявляющаяся в конкретной ситуации (9). Соответственно анализ нарушений регуляции поведения в ситуации правонарушения должен проводиться с учетом потенциальных регуляторных возможностей субъекта и ситуационных влияний.

В данной статье обсуждаются результаты эмпирического изучения потенциальной системы саморегуляции испытуемых, проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу в ГНЦ им. В.П. Сербского в связи с совершенными ими правонарушениями преимущественно агрессивно-насильственного характера. Объектом исследования являлись лица с пограничными психическими расстройствами, уровень дисрегуляции деятельности которых в момент совершения крими-

нальных действий маркировался экспертным решением – признанием их ограниченно вменяемыми. **Целью** нашей работы являлось изучение двух уровней функционирования потенциальной системы саморегуляции – операционально-технического и ценностно-смыслового.¹

Работа выполнена под руководством и при участии профессора И.А.Кудрявцева.

Материалы

Для экспериментального изучения операционально-технического уровня регуляции было сформировано 5 групп испытуемых (всего 133 чел.). 4 группы отличались друг от друга степенью выраженности психической патологии, показателями чего выступало экспертное решение (вменяемые, ограниченно вменяемые и две группы невменяемых – с диагнозами шизофрении и выраженным органическим психическим расстройством), а пятая представляла собой группу психической нормы. По сути, был смоделирован континуум последовательного нарастания патологических проявлений, на котором делались поперечные срезы для исследования саморегуляции в соответствии с уровнем выраженности психопатологического/патопсихологического фактора. Критерием невключения в состав группы являлось наличие у невменяемых подэкспертных временного психического расстройства на момент правонарушения.

Основную группу составили 40 лиц мужского пола, экспертными комиссиями признанные ограниченно вменяемыми. Возраст 37 испытуемых – от 21 до 40 лет, троих – 50–55 лет (27,95±8,71). Им были выставлены психиатрические диагнозы органического психического и личностного расстройства различной этиологии (31 чел.), расстройства личности и поведения в зрелом возрасте, психопатии (7 чел.), шизофрении в стадии ремиссии (1 чел.) и смешанного тревожного и депрессивного расстройства (1 чел.).

Группу «нормы» составили 30 мужчин в возрасте от 21 до 28 лет (27,33±3,04), ни один из которых к психиатру никогда не обращался.

Группа вменяемых состояла из 27 человек в возрасте от 21 до 40 лет (30,85±10,58). Экспертными комиссиями эти лица были признаны полностью вменяемыми на момент правонарушения. Всем им был выставлен психиатрический диагноз органического расстройства личности различной этиологии (18 чел.), расстройства личности и поведения в зрелом возрасте, психопатии (9 чел.). Психиатры отмечали, что степень психических изменений у этих подэкспертных не препятствовала на момент

правонарушения полноценному пониманию совершаемых действий и руководству ими. Эти лица обнаруживали негрубую церебрastenическую симптоматику, незначительные эмоционально-волевые расстройства, заостренность личностных черт, которые в целом не нарушали социальную адаптацию данной группы испытуемых.

Две группы невменяемых составили 36 человек. 18 лицам (32,67±9,62), включенных в одну из них, был выставлен диагноз шизофрении. Состояние испытуемых данной экспериментальной группы характеризовалось как дефектное. Остальные 18 человек (30,06±9,31) с диагнозом органического психического расстройства с выраженными изменениями психики составили вторую группу невменяемых. При патопсихологическом эксперименте у этих лиц обнаруживались глубокое снижение памяти, трудности осмысления ситуации, низкий уровень обобщения, отчетливые эмоционально-волевые нарушения, резкое снижение интеллектуального контроля.

При изучении индивидуально-психологических особенностей, определяющих специфику операционально-технического уровня системы саморегуляции, приняли участие испытуемые только основной группы – лица, признанные экспертными комиссиями ограниченно вменяемыми (40 чел.).

Методы

Для исследования уровня сформированности звеньев операционально-технической стороны осознанной саморегуляции и выявления индивидуальных особенностей в организации собственной активности (так называемых профилей саморегуляции) использовалась многошкальная опросная методика «Стиль саморегуляции поведения» (ССП-98), разработанная В.И.Моросановой (20). Опросник включает 46 суждений, входящих в состав шести шкал, выделяемых в соответствии с основными регуляторными процессами – планированием, моделированием, программированием, оценкой результатов – и регуляторно-личностными свойствами (гибкости и самостоятельности) (22, 23).

Для выявления индивидуально-психологических особенностей, обуславливающих специфику системы саморегуляции, применялись Миннесотский анкетный тест – MMPI (2), опросник Кетелла (19, 28).

Все расчеты и процедуры статистического анализа были сделаны на основе статистического пакета SAS (Statistical Analysing System) с использованием многомерного пошагового дискриминантного анализа; метода классификации k-means (k-средних) с последующим применением дискриминантной функции.

Результаты и обсуждение

При исследовании операционально-технического уровня потенциальной саморегуляции с использованием методики СПП были выявлены значимые различия ограниченно вменяемых лиц от вменяе-

¹ Подробное изложение результатов анализа ценностно-смыслового уровня регуляции приводится в статье И.А.Кудрявцева, Ю.А.Борисова, Е.Н.Лапшиной «Структурно-содержательные особенности нормативного сознания «ограниченно вменяемых» правонарушителей», Российский психиатрический журнал, 2005, №5.

мых лиц по параметрам моделирования ($p < 0,01$), оценки результатов ($p < 0,01$) и общему уровню саморегуляции ($p < 0,001$). Сравнение ограниченно вменяемых лиц с невменяемыми с диагнозом шизофрении обнаружило значимые отличия ($p < 0,002$) ограниченно вменяемых лиц по всем показателям, кроме оценки результатов. Сравнение ограниченно вменяемых лиц с невменяемыми с органическим психическим расстройством выявило значимые различия средних значений указанных групп по параметрам программирования, оценки результатов и общему уровню регуляции. Ограниченно вменяемые лица по всем параметрам системы саморегуляции значимо отличаются от группы нормы ($p < 0,001$) (табл. 1).

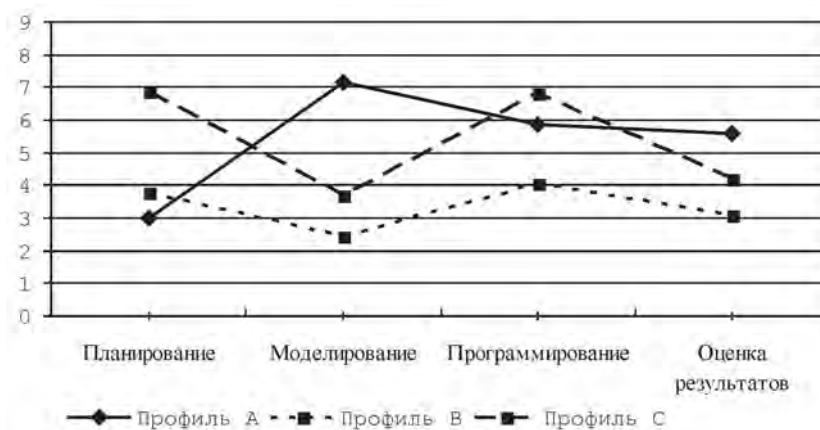
Несмотря на значимые различия средних показателей развития большинства регуляторных процессов ограниченно вменяемых и лиц других экспериментальных групп, группа ограниченно вменяемых оказалась крайне гетерогенной по уровню функционирования как отдельных исследуемых процессов, так и системы саморегуляции в целом: некоторые испытуемые по своим показателям приближаются к группе невменяемых, другие, наоборот, к группе нормы. У 40 испытуемых основной группы – ограниченно вменяемых – оценки по четырем ведущим шкалам ССП (планированию, моделированию, программированию и оценке результатов) были подвергнуты процедуре кластерного анализа с последующим применением дискриминантной функции. В результате указанной процедуры были выделены 3 типичных регулятивных про-

филя изучаемых нами ограниченно вменяемых испытуемых (рис. 1).

Профиль А, выявленный у 7 испытуемых, характеризуется развитым моделированием, незначительно менее развитыми программированием и оценкой результатов при существенно сниженном планировании. Наибольшее среди всех экспериментальных групп развитие звена моделирования (7,14 балла), численное выражение которого превосходит такое, в том числе и у группы нормы (6,60 балла), свидетельствует о том, что лица с данным профилем потенциально лучше других испытуемых способны выделять значимые условия для достижения целей. Вместе с тем крайне низкие оценки по шкале планирования (3,00 балла) указывают на то, что потребность в планировании собственных действий развита слабо.

Профили В и С имеют похожую конфигурацию: оба с недостаточно развитыми процессами моделирования и оценки результатов. Профиль В сформирован при общем низком уровне саморегуляции и отражает регуляцию 15 испытуемых, а профиль С – 18.

Профиль В, наиболее низко расположенный из всех, имеет уплощенную форму, то есть регулятивные процессы у лиц, имеющих данный профиль, сформировались на общем низком уровне регуляции, который составляет в этой подгруппе ограниченно вменяемых 19,86 балла при нижней границе в 23 балла. Важно отметить, что, несмотря на несколько больший общий уровень саморегуляции этих лиц по сравнению с невменяемыми испытуе-

Типы профилей ССП ограниченно вменяемых лиц

Таблица 1

Средние значения параметров саморегуляции экспериментальных групп (баллы)

	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценка результатов	Общий уровень
Невменяемые с диагнозом шизофрении	2,70	2,00	2,33	3,22	14,6
Невменяемые с ОПГМ*	3,94	2,75	4,00	3,06	18,75
Ограниченно вменяемые	4,95	3,78	5,53	4,08	24,00
Вменяемые	5,26	5,22	5,89	5,11	28,44
Норма	7,17	6,60	6,97	6,47	33,63

Примечание: * – органическое психическое расстройство с выраженными изменениями психики.

мыми с органическими психическими расстройствами (18,75 балла), значения по ведущим шкалам у обеих групп практически совпадают. У лиц с профилем В недостаточно развиты все регулятивные процессы: низкое развитие звеньев моделирования (2,43 балла) означает, что лицам с профилем В трудно выделить существенные параметры в ситуации, на основе которых они могли бы составить программу действий; слабо развитое планирование (3,79 балла) создает препятствия для самостоятельного выдвижения целей; неразвитость звена оценки результатов (3,07 балла) препятствует выстраиванию корректирующих действий, а, следовательно, и своевременному изменению программы действий в соответствии с изменившимися условиями. По данным В.И. Моросановой (22), при низком общем уровне регуляции, характерном для профиля В, компенсаторные отношения между звеньями отсутствуют, следствием чего является низкая эффективность деятельности в целом.

Профиль С отражает потенциальные регуляторные возможности 18 испытуемых. Для лиц данной группы характерны пониженные оценки по шкалам моделирования (3,69 балла) и оценки результатов (4,19 балла) при высоко развитых планировании (6,88 балла) и программировании (6,81 балла). Этот профиль сформирован на среднем общем уровне саморегуляции (26,94 балла). Для лиц с данным типом профиля в целом характерно стремление к планированию своей деятельности, выстраиванию программ с учетом ближайших и долгосрочных целей. В то же время слабость звена моделирования этих испытуемых препятствует адекватному выделению существенных параметров внешней ситуации, обуславливает фиксацию на второстепенных деталях в одних случаях и ориентацию на субъективные критерии – в других. Оценка собственных возможностей, представляющая собой модель внутренних условий, у лиц данной группы нередко неадекватна. Изменения обстоятельств испытуемыми этой группы недоучитываются: модель ситуации отличается статичностью, выделенные ранее параметры ситуации остаются неизменными. Обращают на себя внимание более высокие оценки данной группы испытуемых по планированию и программированию в сравнении с таковыми у полностью вмняемых лиц (5,26 и 5,89 балла соответственно), что, на наш взгляд, отражает наличие компенсаторных тенденций в структуре системы саморегуляции. Однако, как следует из данных литературы, система саморегуляции, описываемая таким профилем, отличается неустойчивостью, хрупкостью.

Основываясь на представлениях о тесной связи индивидуальных особенностей системы саморегуляции и личностных переменных разного уровня, мы обратились к изучению индивидуально-психологических особенностей ограниченно вмняемых испытуемых, для чего использовали тест Кетелла и ММРІ.

Нарушения регуляции, отраженные в профиле А по ССП в виде резкого снижения по параметру планирования, у ограниченно вмняемых лиц объясняются двумя причинами: поверхностностью, облегченностью как личностной чертой у одних испытуемых, что в реальном поведении проявляется как их повышенная возбудимость с импульсивным характером поступков без достаточного их обдумывания при отсутствии потребности в организации своей жизни в целом, либо регулярно возникающими состояниями дисфории – у других.

Это лица с развитым абстрагированием, сообразительные (самое высокое значение по фактору В среди ограниченно вмняемых: В=8,00), с достаточным уровнем осознания социальных требований и социально желательного поведения (G=6,00). В то же время, наиболее высокие оценки по фактору F (6,17) свидетельствуют о характерной для них и проявляющейся даже в судебно-экспертной ситуации (Q4=4,17) беспечности, поверхностности, что дополнительно подтверждается самыми низкими оценками (46,00) по вторичному фактору тревожности, при этом обращает на себя внимание не соответствующая реальному поведению переоценка этими испытуемыми своих возможностей к самоконтролю (Q3=8,50), что маркирует снижение критического отношения к собственной личности и своему поведению. Поверхностность и облегченность сочетаются со склонностью к установлению широких недифференцированных межличностных контактов (A=6,50, а значение вторичного фактора экстраверсии самое высокое (51,00) по группе ограниченно вмняемых). По личным наблюдениям, наряду со свойственными этим испытуемым истероидными чертами, тенденцией ориентироваться на субъективные критерии, для них характерен возбудимый тип реагирования. В силу указанных индивидуально-психологических особенностей реальное поведение этих лиц ситуативно – действительно, уровень планирования у них даже ниже, чем в группе испытуемых с самым низким уровнем саморегуляции. Несмотря на высокое моделирование (что отчасти отражает переоценку собственных возможностей), в целом система потенциальной саморегуляции неполноценна, так как ситуативный стиль поведения не может быть эффективен во всех случаях.

Профиль В по ССП, отражающий низкий уровень функционирования всех звеньев потенциальной системы саморегуляции, у исследованных подэкспертных обусловлен двумя возможными причинами: недостаточностью когнитивных процессов у одних испытуемых и личностными особенностями либо их выраженной декомпенсацией – у других. Среди личностных особенностей, определяющих существенное снижение всех регуляторных звеньев, преобладают черты тревожного круга.

Первым (лицам с низким развитием познавательных функций) экспертными комиссиями был выставлен диагноз органического расстройства лично-

сти в связи со смешанными заболеваниями, при этом у 7 из них психиатры отмечали интеллектуально-мнестическое снижение. Для них характерны низкий интеллектуальный уровень, трудности абстрагирования ($B=1,91$), ориентация на непосредственное, без внутренних барьеров, удовлетворение собственных потребностей ($Q3=4,64$), слабая ориентация в общественных нормах в силу недостаточного их осознания и понимания картины социально желательного поведения ($G=3,36$ – самый низкий показатель среди всех ограниченно вменяемых). Кроме низких интеллектуальных возможностей, несообразительности, у испытуемых данной группы страдают и эмоционально-волевые личностные особенности. Их отличает самая низкая среди групп ограниченно вменяемых испытуемых эмоциональная устойчивость, неспособность к выражению собственных эмоций в социально допустимой форме (фактор $C=2,91$), что сочетается с выраженной тревожностью, напряженностью ($O=8,82$), а также настороженностью, готовностью к самозащитным реакциям ($L=7,55$). Взаимодействие с окружающими у этих лиц затруднено либо вследствие повышенной боязливости, либо в силу легкости возникновения примитивных защитных реакций оппозиции при попытках коммуникации с ними (самое низкое значение по фактору $H=3,09$ и высокое по $Q2=6,91$), а также в силу свойственной всем им в целом необщительности ($A=4,00$). Анализ вторичных факторов 16 PF показал, что эти испытуемые отличаются наиболее высокой тревожностью (85,91 балла) среди других групп ограниченно вменяемых лиц (77,33; 46,00 и 55,50).

Перечисленные индивидуально-психологические особенности испытуемых этой группы объясняют крайне низкий профиль их саморегуляции. Невысокий интеллектуальный уровень, конкретность мышления обуславливают недостаточность операционального обеспечения процессов моделирования и оценки результатов, что проявляется в трудностях выделения существенных параметров ситуаций, неспособности к отвлечению от конкретных обстоятельств, неадекватной оценке собственных возможностей. Низкий уровень опосредования определяет их ограниченные способности к выстраиванию программы собственной активности. Вследствие недоразвития когнитивной сферы эталоны для сравнения своего поведения с социально ожидаемым не формируются, следствием чего является недоучет социальных моментов ситуаций, а также значительные трудности в выдвигании адекватных ситуации целей при в целом отсутствии потребности в планировании своих действий.

Лицам с достаточным интеллектуальным уровнем, система потенциальной саморегуляции которых также описывается профилем B по ССП, выставлены такие диагнозы, как тревожно-депрессивное расстройство, органическое расстройство личности с преобладанием астено-невротической симптоматики, зависимое личностное расстрой-

ство, органическое расстройство личности вследствие сосудистого заболевания мозга, истероидное расстройство личности в стадии декомпенсации. Ведущей устойчивой особенностью этих испытуемых выступала повышенная тревожность, легкость возникновения дезорганизации деятельности, снижение личностных, энергетических ресурсов с субъективными переживаниями хронической усталости, апатии. Один из подэкспертных этой группы находился в состоянии выраженной декомпенсации истероидной психопатии с некритичным продуцированием нереалистичных фантазий, временной утратой способности к адекватной оценке ситуации. Низкий уровень функционирования их системы саморегуляции связан с такими их особенностями, фиксируемыми методикой 16 PF, как некоторая обособленность ($H=3,33$), неуверенность в собственных силах с идеями своей несостоятельности, низкой самооценкой, трудностями принятия самостоятельных решений, стремлением переложить ответственность на окружающих, легкостью возникновения реакций растерянности в субъективно сложных ситуациях ($O=7,83$, $E=2,58$, $C=3,08$). Механизм нарушений саморегуляции у испытуемых этой группы описан на основе анализа профиля ММРІ с повышением на 6 и 7 шкалах.

Специфика системы потенциальной саморегуляции у лиц с профилем C по ССП (со снижением по шкалам моделирования и оценки результатов) связаны либо с личностной незрелостью, сочетающейся с низкими интеллектуальными ресурсами, либо с заострением или дисгармонией личностных особенностей.

Испытуемым с личностной незрелостью выставлены диагнозы органического расстройства личности вследствие ЧМТ и в связи со смешанными заболеваниями, а также раннего органического поражения головного мозга. Эти подэкспертные отличаются крайне низким интеллектуальным уровнем ($B=1,63$). В то же время у них достаточно развиты коммуникативные способности ($A=6,5$, $H=5,25$, значение по вторичному фактору экстраверсии высокое – 45,88), они ориентированы в бытовых ситуациях (значение фактора M самое низкое по группе ограниченно вменяемых и составляет 3,25), вследствие чего обладают некоторым запасом поведенческих стратегий. Вместе с тем эти лица зависимы от социального окружения, несамостоятельны ($Q2=3,63$, самый низкий показатель по группе, значение вторичного фактора конформности самое высокое – 23,00). Согласно личным наблюдениям, личностная незрелость данных подэкспертных проявляется, в том числе, и в недостаточной дифференцированности эмоциональной сферы, неразвитости высших эмоций. Методика 16 PF диагностирует у них пониженную тревожность ($Q4=4,63$, значение по вторичному фактору тревожности низкое и составляет 55,50). Функция эмоций, заключающаяся в предупреждении о возможном небла-

гополучии, у лиц данной группы, как правило, существенно снижена, что, наряду с низким интеллектом и зависимостью от окружения, препятствует построению адекватной модели ситуации и её оценке, а также прогнозу своих действий. Вследствие более благоприятной социализации (полные семьи, отсутствие явления госпитализма в анамнезе и т.д.) общий уровень регуляции этих испытуемых выше по сравнению с таковым у интеллектуально сниженных лиц с В профилем по ССП, а оценки по планированию и программированию приближаются к средненормативным.

Испытуемым с профилем С по ССП, специфика системы саморегуляции которых обусловлена заострением или дисгармонией личностных особенностей, выставлены следующие диагнозы: органическое поражение головного мозга вследствие эпилепсии и ЧМТ, органическое личностное расстройство, легкое когнитивное расстройство, а также расстройства личности (психопатии) – мозаичное, шизоидное и паранойальное. Методика 16 PF выявляет у этих подэкспертных эмоциональную неустойчивость ($C=3,08$), повышенную чувствительность к средовым воздействиям (значение вторичного фактора «чувствительность» высокое и составляет 58,67), легкость возникновения эмоционального напряжения и раздражения ($L=6,25$, $Q4=7,33$), готовность к противодействию, что сочетается с ригидностью их поведенческих тактик ($Q1=3,5$). Повышенная чувствительность проявляется в склонности всё «усложнять» ($F=2,25$), а во фрустрирующих ситуациях способствует более быстрому возникновению эмоционального напряжения, которое вносит искажающий эффект в восприятие ситуации, снижает рациональность оценок. Несмотря на достаточный интеллектуальный уровень и осведомленность в существующих социальных нормах ($B=5,75$, $G=5,00$), общий уровень саморегуляции снижен вследствие личностных особенностей. Согласно личным наблюдениям, личностная структура испытуемых этой группы отличается крайней дисгармоничностью, в реальной жизни эти лица адаптированы к узкому диапазону ситуаций. Специфические личностные механизмы, лежащие в основе особенностей потенциальной системы саморегуляции этих испытуемых, выявлены при анализе пикообразных и дисгармоничных профилей ММРІ.

Анализ механизмов внутренней психологической переработки фрустрирующих воздействий (профили ММРІ) показал, что в самой личностной структуре ограниченно вменяемых испытуемых имплицитно содержатся изъяны потенциальной системы произвольной саморегуляции. Профили ограниченно вменяемых лиц характеризуются «ломанностью», наличием одного, двух или трех пиков, выходящих за пределы 75–80 Т-баллов, а в отдельных случаях за пределы 85–90 Т-баллов (при достоверности результатов в целом), что указывает на личностную дезинтеграцию и социальную дезадапта-

цию. Среди достоверных профилей ММРІ были выделены пикообразные профили, в общем контуре которых отмечаются пики по одной или двум шкалам, отражающим один тип реагирования – гипостенический или гиперстенический (изолированные пики на 6; 3; 8 шкалах; а также сочетание пиков на 6 и 4; 8 и 4; 6, 4 и 9 шкалах), и дисгармоничные профили, которые несут в себе взаимоисключающие тенденции (сочетания пиков на 6 и 7 шкалах; 6, 7 и 8; 3, 6 и 8, 3 и 8; 6 и 3 шкалах).

Результаты ММРІ свидетельствуют о том, что потенциальные нарушения планирования, моделирования и оценки результатов у ограниченно вменяемых лиц обусловлены различными механизмами: у личностей с аффективной ригидностью моделирование и оценка результатов снижены за счет избирательности восприятия; у тревожных личностей – за счет трудностей выделения существенного среди параметров ситуации, несформированности четких критериев успешности деятельности; у испытуемых с личностным своеобразием (шизоидностью) – за счет своеобразия восприятия и картины мира в целом, несформированности социальных эталонов для оценки как параметров ситуации, так и своего собственного поведения; у импульсивных отсутствие навыка планирования своих действий является облигатной чертой их личностной структуры.

Таким образом, потенциальные способности к регулированию собственной деятельности у лиц с пограничной психической патологией, признанных ограниченно вменяемыми, снижены. Как показано выше, уровень функционирования их системы саморегуляции изменен в разной степени и связан с различными индивидуально-психологическими особенностями, являющимися выражением имеющегося у них психического расстройства. В криминальной ситуации у одних испытуемых (профиль В по ССП) регуляция поведения осуществляется на изначально характерном для них крайне низком уровне, что проявляется в недоучете важных параметров ситуации, недостаточном планировании целей, трудностях организации последовательности действий, дефектности оценочного звена регуляции. У других подэкспертных (профили А и С по ССП) нарушения регуляции в момент деликта обусловлены патогенным воздействием ситуационных факторов (в виде эмоциогенности ситуации, сложности стоящей перед субъектом задачи) на хрупкие звенья потенциальной системы саморегуляции.

Реализация именно агрессивных смыслов во фрустрирующих ситуациях, невозможность «смещения» (27) деятельности просоциальными мотивами у обследуемых испытуемых связана с особенностями строения их смысловой сферы. Исследование ценностно-смыслового уровня саморегуляции ограниченно вменяемых лиц, выполненное в русле психосемантического подхода (12), выявило у них автономность функционирования целевого (операционально-технического) и ценностно-смыслового уровней регуля-

ции. Нравственные ценности не вплетены в их основные мотивационные линии, не выполняют роль барьеров при возникновении агрессивных импульсов, облегчая тем самым реализацию преступного

деяния, в процессе совершения которого, а у некоторых испытуемых и на этапе его инициации, проявляются дефектные звенья потенциальной системы саморегуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. – М.: Наука, 1991. – 248 с.
2. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности. – М., 1999. – 175 с.
3. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М., 1988. – 304 с.
4. Братусь Б.С. Личностные смыслы по А.Н.Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – С. 284–298.
5. Зейгарник Б.В., Холмогорова А.Б., Мазур Е.С. Саморегуляция поведения в норме и патологии // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10, № 2. – С. 122–132.
6. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М., 1980. – 255 с.
7. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека: структурно-функциональный аспект // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5–12.
8. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М.: Наука, 1982. – 288 с.
9. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М., 1988. – 224 с.
10. Кудрявцев И.А. КСППЭ ограниченной вменяемости: некоторые проблемы и пути их решения // Ограниченная вменяемость / Под ред. Б.В.Шостаковича. – М., 1996. – С. 28–40.
11. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 495 с.
12. Кудрявцев И.А., Борисов Ю.А., Лапшина Е.Н. Структурно-содержательные особенности нормативного сознания ограниченно вменяемых правонарушителей // Российский психиатрический журнал. – 2005. – № 5. – С. 30–35.
13. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
14. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.
15. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестн. Моск. ун-та, сер. 14, Психология. – 1996. – № 4. – С. 35–44.
16. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестн. Моск. Ун-та, сер. 14, Психология. – 1997. – № 1. – С. 20–27.
17. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
18. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
19. Мельников В.Н., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. – М., 1985. – 319 с.
20. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. – М., 2001. – 192 с.
21. Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. – 2002. – № 6. – С. 5–17.
22. Моросанова В.И. Опросник стиль саморегуляции поведения (ССПМ). – М., 2004. – 44 с.
23. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Регуляторные аспекты экстраверсии и нейротизма: новый взгляд // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 59–73.
24. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Диагностика и психологическая характеристика саморегуляции при экстраверсии и нейротизме. – Набережные Челны, 2001. – 128 с.
25. Моросанова В.И., Сагиев Р.Р. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов // Вопросы психологии. – 1994. – № 5. – С. 134–140.
26. Моросанова В.И., Соколова Л.А. О взаимозависимости личностной акцентуации и индивидуально-стилевых особенностей саморегулирования // Новые исследования в психологии. – М., 1993. – С. 1–17.
27. Патяева Е.Ю. Ситуативное развитие и уровни мотивации // Вестн. Моск. ун-та, сер. 14, Психология. – 1983. – № 4. – С. 23–33.
28. Практикум. Дифференциальная психология личности. Методики личностной психодиагностики / Под ред. С.Р.Пантелеева. – М., 2000. – 140 с.
29. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы). – Ярославль, 1977. – 79 с.
30. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 155 с.
31. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. – М., 2000. – С. 72–126.
32. Фрейеров О.Е. О так называемом биологическом аспекте причин преступности // Советское государство и право. – 1966. – № 10.

BEHAVIOR CONTROL IN PERSONS WITH BORDERLINE MENTAL PATHOLOGY WHO COMMITTED OFFENCES AND WERE RECOGNIZED AS DIMINISHED RESPONSIBLE

E. N. Lapshina

The author provides a theoretical analysis of interaction between the two levels (operational-technical and semantic) of conscious control of one's behavior. The author presents the data of an experimental investigation of potential control possibilities in mentally disordered

offenders and in law-abiding mentally healthy persons and discusses the association of typical problems with self-control in offenders recognized as «diminished responsible» with their individual psychological characteristics.